

Часовой детектив
Татьяны Ивановой

МАРИНА СЕРОВА

Охота
на ведьму

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Охота на ведьму

«Научная книга»

Серова М. С.

Охота на ведьму / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Частный детектив Татьяна Иванова)

Когда однажды утром частный детектив Татьяна Иванова, поколебавшись, отворила дверь незваному гостю, она не подозревала, что впустила в дом беду. Ей стало известно следующее: на городской свалке найден обезображенный труп молодой девушки. «Похоже на ритуальное убийство», – подумала Татьяна и сообщила об этом в милицию. С этого часа она и приобрела могущественных врагов. В беспощадной войне против нее задействованы и киллеры, и вооруженные бандиты, и правоохранительные органы. У Татьяны остался единственный шанс на спасение – из загнанной в угол жертвы стать охотником...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Серова Марина Сергеевна

Охота на ведьму

Глава 1

– Припаздываешь, мадемуазель! – Такими словами встретил меня Костя, едва я переступила порог пустого спортзала. Он сидел на низкой и длинной скамейке, уперев локти в колени, у стены с большими, до потолка, зарешеченными окнами. В небольшом помещении с дощатым полом, наполовину заложенным влажно блестящими гимнастическими матами, пахло краской, мокрым дерматином и потом.

– Лукавишь, сэнсэй, – ответила я, – ждешь ты меня не долго.

– Ну да! – Он поднялся навстречу – прямой, с тенями под скулами, уставший после трех сегодняшних тренировок. Его серое кимоно с иероглифом на плече было жестким, как наждачная бумага. Ежик коротко стриженных волос успел просохнуть от пота. Константин, подчиняясь легкому нажиму моей ладони, склонил голову для поцелуя и сменил гнев на милость.

– Почему не долго? – осведомился, пожимая мне руки.

– Потому что здесь еще пахнет потом.

Он скривил в виноватой гримасе губы и, достав из-под скамьи длинную рейку с крючком на конце, толкнул ею через решетку узкую форточку – открыл доступ сырому весеннему воздуху.

– Что ты будешь делать, не удастся мне тебя пристыдить! Так и будешь опаздывать до старости, мадемуазель!

– Дамы должны опаздывать, – ответила я, готовясь взорваться возмущением, – если хочешь знать, это признак хорошего тона. И не называй меня больше мадемуазель, – потребовала я категорично. – Не переносу этого слова!

Вскрикнув, без подготовки ударила его ладонью в солнечное сплетение и отскочила в стойку, готовая защищаться от атаки по любому уровню. Но Константин, будто сраженный принятым ударом, раскинув руки, мягко свалился навзничь, на маты и остался недвижим, вздрагивая от беззвучного смеха.

Не он, так я! И, широко шагнув, прыгнула вперед, целясь пятками в лежащее тело и готовая смягчить удар до «бархатного касания», если он продолжит валять дурака и дальше. Но передо мной лежал сэнсэй! Едва я оторвалась от пола, Константин перекатился на живот, с возмутительным спокойствием уйдя от атаки. Пятки пришлось втыкать в черный дерматин. А он, не теряя ни секунды после переворота, так же неторопливо махнул рукой, подбил меня под коленки и опрокинул, не успевшую как следует утвердиться на ногах, на маты. Мгновение – и вот он уже плотно сидит на моих бедрах, и запястьями я ощущаю крепкую хватку его пальцев.

– Давай, Танечка, разомнись сначала! – ласково предлагает он. Наклоняется и легонько касается губами моего носа.

– Давай! – соглашаюсь. Он выпрямляется, а я, оттолкнувшись подошвами от мата, слегка подбрасываю его, перемещая себе на живот, и бью согнутыми коленями в спину. Предугадав мои намерения еще раз, он с готовностью переворачивается через голову, вскакивает и оказывается лицом ко мне намного раньше, чем я успеваю подняться. Костя даже не снисходит до имитации атаки. Понятно и так – времени на мое уничтожение он имел более чем достаточно.

Плечо к плечу мы идем к скамейке – искупаться в холодном воздухе, пахнущем мокрым снегом.

Он внимательно смотрит на меня и произносит медленно:

– Мадемуазель.

Его шевельнувшиеся брови, наверное, повторяют движение моих, и лицо становится встревоженным и недовольным.

– Почему тебе так не нравится это обращение?

– Был недоброжелатель, – отвечаю неохотно, – который меня так называл. Дело прошлое, но вспоминать об этом тягостно.

Константин притягивает меня к себе, целует в щеку.

– Я сейчас ревновать начну.

– Бог в помощь! – смотрю на него с укором. – Хватит, а? – прошу, наблюдая за происходящей в нем переменой. – Змей он был преизрядный! – добавляю, передернув плечами.

Холодным все-таки воздухом из форточки тянет.

– Чуть не угробил меня змей этот.

– А как ты его называла? – не унимается Костя. – Месье?

– Джентльмен! – отвечаю. – Да что ты привязался-то! – В деланном возмущении отталкиваю его обеими руками. – Заканчивай, приятель! Не заставляй вспоминать несостоявшегося убийцу, а то настроение у меня испортится, и я постараюсь испортить твое, и тогда...

– И тогда мы поругаемся с тобой на вечные времена и будем дуться друг на друга до самого утра!

Ну, наконец-то! Таким он мне нравится больше.

– Привет драчунам! – раздаётся от двери, и в зал входит дядя Слава – седой как лунь, с крючковатым, сбитым на сторону носом дед. Со стуком опускает на пол ведро, полное воды, и салютует шваброй с болтающейся на ней тряпкой.

– Целы? – осведомляется, двигаясь к нам боком. – Здоровы? – Берет наперевес швабру и, припадая на одну ногу, бросается на нас с неожиданной резвостью. – Марш отсюда, бестии! – рычит устрашающим басом. Мы с Костей бросаемся врассыпную, а тряпка хлопается на место, где мы только что сидели.

– Танюха, берегись! – слышу сзади и не успеваю увернуться – тряпка хлещет меня пониже спины.

Дядя Слава вьюном поворачивается к спешащему на помощь Косте, и черенок швабры встречается с его ногами. Костя мягко падает на руки и вскакивает как резиновый.

– Руки вверх! – орет дядя Слава, целясь в нас шваброй. Мы смеемся, поднимая руки.

– Слабы вы, ребяташки, против старого боксера!

Дед, довольный удавшимся представлением, опускает оружие.

– Как в старом анекдоте: немцы дрались с партизанами до тех пор, пока не пришел пьяный лесник и не разогнал всех!

– Вот так, Танюха, опаздывать! – корит меня Костя. – Пришел старый боксер и всех разогнал!

– Занимайтесь! – проявляет дед необычную для себя терпимость. – Вы мне не мешаете!

– Нет уж! – протестую я. – С такой травмой, – хлопаю себя по заду, – не то что заниматься, ходить стыдно!

– Пошли, милая! – Константин, обняв за плечи, увлекает меня к двери. – Я тебя сейчас полечу – в баньке попарю, массаж больного места сделаю.

– Ах вы, охальники! – усмехаясь, стыдит нас дядя Слава.

* * *

Небольшая комната глубокого подвала по стенам и потолку сплошь затянута черной материей без складок и просветов. Свет тусклой лампочки над входом тонул в черноте, терялся, и комната казалась неестественным образом лишенной размеров. На полу, окрашенном в темно-коричневый цвет, возле невысокого стола были уложены два деревянных бруса с попе-

речными пропилами и моток грубой, волосяной веревки. Холодный воздух неподвижен, как в склепе.

В глубокой тишине раздался негромкий глухой звук шагов, и в комнату вошла женщина в черном длинном халате, стянутом в талии широким матерчатым поясом. Двигаясь неторопливо, она обошла помещение, установила по углам принесенные с собой подсвечники на высоких трехногих опорах, поставила на стол глубокую чашу из обожженной глины. Из фляжки, висевшей через плечо, наполнила чашу прозрачным маслом и, перекрестясь слева направо, бросила в нее кусок толстого фитиля с поплавком на одном конце. Зашла за стол и, встав лицом к двери, сцепила пальцы опущенных рук, закрыла глаза и, подняв голову так, что рыхлый узел седых волос на затылке коснулся спины, замерла в неподвижности. В дверь вошла еще одна, средних лет женщина, одетая так же. Молча, глядя прямо перед собой, установила в подсвечниках толстые темные свечи, встала напротив первой женщины и положила рядом с чашей короткий, широкий, со скошенным лезвием нож.

Постояв в тишине и пропитавшись ею, женщины шагнули к брусьям, подняли, сложили, связали веревкой, установили крест за столом, прислонив его к стене. Заняли места по углам стола и уставились на дверь. Погас свет, и вскоре опять зашаркали снаружи шаги, и тусклым трепетным светом осветился дверной проем. Молоденькая девушка в белой, доходящей до колен рубашке, едва переступая босыми ногами, покачиваясь и запинаясь, появилась в комнате, поддерживаемая с боков под локти двумя черными фигурами. Тоненькая церковная свечка в ее кулачке клонилась вперед. Одна из сопровождавших берегла свечу рукой, выправляла, сжимала расслабляющиеся пальцы своими.

– Сейчас, милая, сейчас ляжешь, – ласково проговорила седая, обеими руками поднимая чашу до уровня груди.

Слабый огонек коснулся фитиля, и тот занялся высоким и ровным красно-оранжевым пламенем.

– Сейчас ляжешь, милая! – повторила, опуская чашу на край стола – к будущему изголовью.

Девушка, с трудом приподняв веки, нашла говорившую мутными, блуждающими глазами и слабо, вовсе уж бездумно улыбнулась. Седая, забрав у нее свечку, утопила слабый огонек в масле, бросила на пол восковую палочку.

– Свечи! – прозвучал приказ, и две черные тени метнулись в стороны, протянули руки из темноты, воспринимая свечами пламя чаши.

Освещенная теперь пятью огнями, комната наполнилась странными колдовскими тенями, мечущимися от пола по черным стенам.

Девушку осторожно усадили на стол и, мягко управляя не сопротивляющимся телом, положили на него головой к чаше. Седая, отодвинув нож, поддержала ей голову, ласково огладила волосы, поправила руки, устроив их вдоль тела.

* * *

Ждал меня сэнсэй, готовился. Под ложечкой всплеснулась волна нежной благодарности. Сауну, поди, сам вымыл – чисто, хоть языком облизывай. Утром пришел пораньше, специально чтобы помыть, успеть до первой тренировки. Включил ко времени, веничков припас и не пустил никого, хоть я и припозднилась. А от желающих завалиться сюда, я знаю, отбою нет.

Константин первым делом, не раздеваясь, налил в шаечку кипятку, замочил веники.

– Чего припоздала, Танюш? – спросил, развязывая пояс кимоно. – Новое дело?

– Нет, Костик. Все мои частно-детективные заботы пока побоку. Отдыхаю я сейчас. Восстанавливаюсь. Слишком дерганым оказалось последнее расследование.

И замолчала, наблюдая, как он стягивает свою униформу с иероглифом на плече. Он улыбнулся:

– Не банный разговор?

– Да, – согласилась, – не к месту как-то.

– Раздевайся, – подошел, взялся за пояс на мне, повесил его на крючок. Я придержала его руки. Он долго, удивленно смотрел на меня. Качнул головой.

– Совсем за заботами отвыкла! – погладил по щеке жесткой, как дощечка, ладонью. – Ну, не буду мешать.

Обнажился и, довольный своей деликатностью, скрылся за дверью парной. Оттуда пахнуло паром. Даже здесь, в предбаннике, почувствовала.

Не отвыкла я, дурачок! Подразнить тебя захотела, а ты не понял.

Я не спеша избавилась от белья, собрала волосы на затылке, заколола, подошла к зеркалу.

– Он устал сегодня! – сказала отражению. – Будь осторожнее. – И, заглянув в свои умные, много понимающие глаза, пошла к Косте.

Парная встретила сухим жаром и крепким ароматом прогретого дерева. Константин сидел на верхней ступени полка и, оскалившись от удовольствия, тер ладонями глаза. В воздухе, жгушем ноздри, сложился желтый полусвет. Тонко шипела каменка за деревянным заборчиком. Костя поднял голову на звук закрывшейся двери и обнял меня взглядом всю с головы до ног. Взгляд его я ощутила крепче любого жара, так, что мурашки побежали по коже. Он подал мне руку, усадил рядом. Я, дурачась, дунула на него, он зажмурился от муки, загордился ладонями.

– Ты не просто горячая женщина, – проговорил, хлопая меня в наказание по спине, – ты сейчас женщина огнедышащая!

– Терпи, сэнсэй! – прошептала, не в силах вдохнуть полной грудью.

– Не сэнсэй, нет! – возразил Костя. – Тебе понравится, если я все время буду называть тебя частным детективом?

Я, извиняясь, коснулась его плеча сухим и горячим лбом. Он обнял меня за плечи, медленным движением провел рукой по коленям.

– Подожди! – прошептала, но он, не слушая, повернул и привлек меня для поцелуя.

Господи, тут и так дышать нечем! Я едва отдышалась. И только успела – он повторил экзекуцию, легонько глядя мое расслабившееся тело.

– Татьяна! – пропел, задохнувшись тоже.

– Иванова! – ответила, целуя его ладони.

– Женщина! – титуловал высоко, одарив сияющим взглядом.

– Сэнсэя! – не удержалась и, спасаясь от наказания, прыгнула вниз, пренебрегая техникой безопасности.

Вода маленького бассейна с голубой придонной подсветкой приняла в себя мое расплавленное парной и Костиными руками тело. От температурного контраста спазмой перехватило горло. А когда удалось перевести дух, легла на спину, и вода держала меня, и впору было рассмеяться – так легко вдруг стало жить на белом свете!

– Наяда! – прозвучало сверху.

– Афродита! – капризно поправила, не открывая глаз.

Он, пренебрегая лесенкой, шагнул с невысокого бортика, и волна захлестнула меня, взвизгнувшую от неожиданности.

Теперь вырываться было бесполезно. Я и не хотела, и не вырывалась, держалась руками за его шею, прижималась щекой к крепкому плечу. Константин покачивал меня в голубой, светящейся воде, перекачивал с руки на руку, плавно, медленно кружился от стенки к стенке. Пространства маленького бассейна оказалось вполне достаточно для этого завораживающего танца. Я касалась губами его щеки и, заглядывая в глаза, шепотом просила отпустить ноги.

А когда он снизошел до моей просьбы, обняла его ими, откинулась назад, зажмурившись от внезапного головокружения.

* * *

Седая склонилась над столом, положила руку на грудь девушки, ощутила биение жизни, взгляделась в лицо, освещенное масляным, жертвенным пламенем. Выпрямилась, обвела глазами стоящих у углов стола неподвижных соучастниц.

– Посланница спит! – сообщила громким голосом.

У стоявшей рядом дрогнули и слегка приподнялись плечи. Седая сдвинула брови.

– Время для наставления!

Огонь одной из свечей в углу затрепетал, раздался тихий треск, и несколько тусклых искр упали на пол. Три пары глаз внимательно и скорбно глядели на седую.

– Тепло и холод, – начала она, – звук и безмолвие, движение и неподвижность, добро и зло, свет и тьма – каждая из произнесенных пар слов являет единство. Человеческий ум сознает и называет их крайности. Добро, зло – крайности одного единого, свет, тьма – другого. Звук, движение, свет – активны. Безмолвие, неподвижность, тьма – пассивны. Пассивны, но первичны, поскольку являются средой обитания активных. Звук существует в безмолвии, движение меряется по неподвижному, свет существует во тьме, ибо сказано в Писании: «Свет во тьме светит, и тьме его не объять!» Тьма – носитель света, безмолвие – звука. Зло же – носитель добра! Они едины, поскольку крайности одного целого. Все в мире и сам он колеблется от пассивности к активности и обратно. От неподвижности к движению – пользуясь силой. Можно бесконечно долго двигаться, стремиться к свету, увлекаясь идеей добра. А можно сознательно воспринять силу тьмы и направить ее на достижение света, меняя силу зла на энергию добра, ибо они – одной природы.

Седая смолкла. Ее ноздри раздулись, и затрепетали приоткрытые губы.

– Толкнем же качели своего сознания во тьму, и обретем силу знания истины и истратим ее на познание добра. На обретение высокой энергии света! Во имя служения людям, во имя исцеления их от физических немощей и духовных хворей, принесем в жертву себя на кресте вхождения в свет. Опустимся во тьму, сестры, по доброй воле, глубоко осознавая необходимость этого шага!

* * *

Небольшой супермаркет, сияющий витринами с двигающимися в них разноцветными рекламными прибабасами привлек наше внимание издалека. Зазывно помигивали синими неоновыми буквами вывески, освещая узкую улицу. Ну как не остановиться!

Хлопнув дверцами, мы покинули машину и вошли внутрь, к ломящимся от снеди стеллажам.

Пока Константин от избытка энергии переругивался с охраной, я, толкая перед собой тележку, прошла к закромам. В общем-то, все у нас с ним было – кроме, как говорится, нужды. Просто захотелось проявить творческие способности здесь, в этой области. Он выбирал для меня, я для него, и тележка быстро наполнялась всякой всячиной. Мы радовались и радовали друг друга – и все тут. Все вокруг посматривали на нас с улыбками, и даже охрана нас понимала.

Возле дома мы немного поспорили и устроили потасовку в тесном пространстве между сиденьями и лобовым стеклом, споря, кто останется парковать машину, а кто потащит пакет по лестнице к квартире. Первое было предпочтительней, потому что лифт в подъезде не действовал уже третьи сутки. Перекричать его я сумела, а потасовка закончилась вничью. Машина

была моя, и парковать ее досталось мне. И пакет держать тоже мне пришлось, а нести его – вместе со мной – Косте. Вопрекл сэнсэй и задохнулся, доставив нас на шестой этаж, но от своего не отступил.

Мы были голодны и испытывали жажду после бани. Пока Константин перетирал бокалы и ополаскивал бутылки перед водружением их на стол, я обдираала упаковки с полуфабрикатов, а когда пиво зашипело и пенной шапкой полезло через края посуды, из кастрюль на плите уже валил ароматнейший пар от булькавшего в них варева.

Кормили мы друг друга с ложечки и поили изо рта в рот, заканчивая последний глоток благодарным поцелуем. У Константина больше не возникало опасений, что я отвыкла от него за время, прошедшее со дня нашей последней встречи.

По мере насыщения, мы утрачивали игривость и к концу трапезы общались уже вполне нормально. Впереди был приятный во всех отношениях вечер, сонно-интимная ночь и свежее утро для неторопливого расставания на новый, неопределенной продолжительности срок.

На сегодняшний день я имела несколько предложений, и одно из них наиболее для меня интересное – расследовать шалости малолетнего шалопаю из очень обеспеченной семьи, связавшегося с дурной компанией и попавшего с подачи дружков в скверную историю. В итоге – максимальный гонорар при хлопотах, определенных моим опытным глазом как минимальные. «Страна Лимония» – нашла я для себя название этого дела, не вникнув еще, правда, в детали. Но все это послезавтра. Или завтра. А сегодня...

Приняв от Константина, совершившего вояж к мусоропроводу, пустое ведро, я быстро расправилась с грязной посудой, рассовала ее по местам и отправилась искать своего дорогого сэнсэя, затихшего где-то в недрах квартиры. Обнаружила его в гостиной, скромно восседающим на диванчике, напротив беззвучно работающего телевизора. Уселась рядом и подверглась его первой, уверенной и блаженно-неторопливой атаке.

Уснули мы далеко за полночь.

* * *

Метя халатами пол, соучастницы ритуала сошлись в тесном для четверых пространстве между столом и стеной. Восемь рук взялись за перекладину креста, подняли и, наклонив его влево, перевернули изголовьем вниз – поставили мягко, без стука.

Древний, глубоко дохристианский символ движения по пути добра превратился в свою противоположность, а соучастницы, объединенные единым благоговейно-молитвенным порывом, постояли, соприкасаясь в тесноте телами, склонив головы перед величием предстоящего действия, и разошлись в разные стороны по углам стола.

Спящая на нем жертва дышала неслышно и ровно. Еле заметно шевелилась складочка рубашки на высокой груди. Ее лицо было бледным даже в красно-оранжевом пламени чаши.

– Бог предал в наши руки девственницу, – глухим голосом проговорила седая, с нежностью проводя ладонью по волосам девушки. – Бог послал нам девственницу в момент, когда мы готовы воспринять великий урок изменения сознания!

Три пары сияющих счастьем глаз смотрели на седую не отрываясь.

– И теперь она наша посланница к Силе. Мы вольны отправить ее в места нездешние, восприняв нисходящую на нас способность к изменению сознания.

Седая простерла руку над грудью жертвы.

– А когда мы усвоим урок и обретем возможность восприятия, она вернется к нам с благословением Начала всех начал и проводит к источнику мировой Славы. И дай нам бог пройти по этому пути!

Седая обеими руками взялась за расстегнутый ворот рубашки, нагнувшись, рванула так, что заколебалось красно-оранжевое пламя. Тонкая ткань с треском распалась, обнажив грудь

посланницы. Соучастницы, дружно взявшись, быстро освободили расслабленное сном тело от остатков одежды.

– Приступим во имя Источника всех сил!

Седая, закатав до локтя рукав, протянула вперед руку ладонью вверх. Стоящая рядом взяла нож и рукоятку вперед передала его соседке. Побывав в руке каждой, каждую приобщив к действию, нож лег в ждущую его ладонь. Седая ввела влажно блестящее, косое лезвие в пламя чаши и подняла нож над головой. Обнажила оскалом белые зубы и, шумно выдохнув, ударила им обнаженное тело.

* * *

Костя, как, на мой взгляд, и полагается мужчине, сильному телом и духом, проснулся раньше меня. И, как полагается мужчине, разрядившемуся за ночь в достаточной степени, проснувшись, не стал меня тревожить, а, тихо встав, удалился от ложа, оставив даму нежиться в сладкой утренней дреме.

Сонно поразмышляв над всем этим, я встала и, завернувшись в тяжелый халат, отправилась на поиски своего рыцаря, испытывая, как и полагается даме, легкое смущение перед его первым взглядом, вполне протрезвившим после ночных неистовств.

Костик мой, как всегда, на высоте! Кофе мне в постель он, конечно, подавать не будет. Да я и сама не позволю, и он об этом знает. Кофе у него на столе стоит, паром исходит, меня дожидается. Не первый раз так: я – к столу, а он – кофе на стол. Предугадывает мое появление, что ли?

Костя спешит мне навстречу, а я позволяю проводить себя, как дорогую гостью, к своему обычному месту – к табуреточке между столом и окошком, рядом с батареей отопления. Сейчас я тепла, мягка и во всем с ним согласна. Возражаю только против кофейной чашечки, заменяю ее добрым бокалом.

Мы улыбаемся друг другу и молча потягиваем ароматный, обжигающий напиток.

– Уйдешь? – спрашиваю его об очевидном.

Он морщит лоб гримасой: надо, мол, куда деваться!

«Знаю!» – отвечаю ему взглядом и влезая в холодильник – соорудить громадный бутерброд ему на прощанье, такой, как он любит. У меня даже руки подрагивают во время этой работы – досадно!

Всегда одно и то же. Да не навек же мы расстаетесь! А не расставаться нельзя. Разная жизнь у нас, и мы слишком разные. Он, к примеру, всегда будет больше сэнсэем, чем мужем, какую бы принцессу на горошине или белокурую бестию ни подай ему в постель. А я слишком азартно отношусь к почти каждому из своих расследований, чтобы стать прилежной женой. Вот и выработалась у нас система отношений, встреч и расставаний, при которых мы – пара, как те два пресловутых сапога.

Звонок в дверь раздался, когда я, устроив на обеих ладонях сотворенное мною чудо, подносила его своему рыцарю.

Да будь там кто угодно – высший в городе криминальный авторитет или областной прокурор, глава местной администрации или *сам* президент, какая разница – пока Костя торжественно-благодарно не примет из моих рук это хлебное, мясное, овощное чудо, не откусит кусок и не изобразит благодарное восхищение моим кулинарным талантом, я не пойду к двери.

Запахнув поглубже халат на груди, я наконец отомкнула замки и отодвинула задвижки, досадуя на некстати нагрянувшего визитера.

– Привет, Танюха! – простуженно прохрипел дурно одетый человек, настороженно воззрившийся на меня из-под надвинутой на глаза вязаной шапочки и даже не пытающийся переступить порог. – Это я к тебе, извини. Выйди на пять минут, будь добра. Дело есть!

Еще чего! К бомжам я не выходила!
– Заходи! – киваю Аяксу.

Глава 2

А через двадцать минут Аякс, раздетый и разутый, сидел на кухне, рядом с Константином, держал красной, похожей на гусиную лапку с вырезанными перепонками рукой пол-литровую кружку с чаем и, пережевывая свой бутерброд с колбасой, хищно поглядывал на остатки бутербродного чуда моего сэнсэя.

«Веселый бомжуха», как он любил себя называть, все пытался начать разговор о причинах, его сюда приведших, но Константин строго командовал ему: «Ешь!» – и тот замолчал, поджимал под себя ноги и еще старательнее работал челюстями. Управившись наконец с полуба-тонным деликатесом, перевел дух и, вытерев рот длинным, обмотанным несколько раз вокруг шеи шарфом, глянул на меня с таким отчаянием, что не сжалиться над ним было выше моих сил.

– Рассказывай, Вениамин! – разрешила я, положив руку на Костино колено.

– Да что рассказывать-то?! Рассказывать-то, в общем, нечего! – зачастил он, опять впадая в смущение. – И не рассказывать я пришел, а просить тебя, Танюха, к нам приехать и посмотреть по-своему, как и что. На месте разобраться и совет дать. А то людишки мало-помалу уже в рожу друг другу залезать стали. А это не дело, в рожу-то, не по-людски как-то!

И замолчал, часто помаргивая слезящимися глазами, бегающими под тяжелым взглядом Константина.

– Не дело! – согласился тот, наклоня голову.

– Вот-вот, и я про то же! – взбодрился Аякс. – Так что, поехали, а? А по дороге я и рассказал бы.

– Куда?

Сегодня я ему удивлялась. Куда подевался острый язык и связная речь этого проходимца, во все времена года и в любых передрыгах не терявшего естественной наглости и присутствия духа.

– На свалку! – Он пожал плечами, мол, что тут непонятного! – Кино бесплатное, ей-богу! – вздохнул удрученно Аякс. – Как дети малые, правда-правда!

– Тихо! – возвысил голос Костя, и Вениамин затаил дыхание.

– Какие дети?

– Да не дети, какие там дети! – бормотал Аякс быстро и виновато. – Девчонка там одна. Понимаете, люди, Кваскин ее вечером нашел. Шел и набрел на нее... Под деревьями, на снежке и от дороги-то вроде бы в стороне. А как нашел, припер к нам на закорках, вот, говорит, дочка у меня была, раньше еще, в те времена, так, говорит, до того похожа! А девчонка-то голенькая совсем. Фадеич говорит... давай зароем ее в мусор... а как огонь дойдет, то сгорит пусть, и концы в воду. И другие его поддержали, а Кваскин – в истерику, да на Фадеича, ты, говорит, стерва старая, ментов надо вызывать, а не жечь девчонку-то!

– Как жечь? – обрела я дар речи. – И почему голенькая?

– Так ведь мертвая она, – выговорил Аякс слово, которого боялся, и замер с распахнутыми глазами.

На Костином лице набрякли брови, тяжело сошлись к переносице.

– Маленькая? – только и спросил необычно густым голосом.

– Да вот, помоложе Танюхи будет. – Аякс боязливо, искоса смотрел на него. – Может, даже – раза в два.

– А точно мертвая?

Бестолочь Костя! Да разве бомжи ошибутся в этом?

– Да как же! – понизил голос Аякс. – Если у нее живот разрезан! – Он провел ребром ладони поперек себя сразу под ребрами. – И через край веревочкой зашит.

– А я зачем? – спрашиваю осторожно. Хоть тресни, непонятен мне его визит.

– Да Кваскина урезонить, – он ответил укоризненно и терпеливо. – Или Фадеича с остальными. Как решишь, словом.

– Милицию вызывать надо, что ж тут неясного?

– Все! – возразил уверенно Аякс. – Сторит она, если сделать, как Фадеич предложил, и какая тебе милиция?!

Константин поднялся так, что табуретка его с грохотом назад отъехала. Аякс прижался плечом к стенке и опять подобрал ноги.

– Так ты, выходит, послом ко мне от бродяг с помойки? – опередила я Константина, и он всхрапнул только. Сдержался и сел опять, подальше от стола и Аякса.

Понимала я этих людей. Своя у них справедливость, особенная. У Константина – своя. И поэтому ему их не понять.

– Я сам предложил, – объяснил мне Аякс терпеливо, как ребенку, – чтобы они кидаться друг на друга прекратили. Человек, сказал я им, опытный и хороший, плохого не посоветует. И ментов, если надо, сама вызовет.

– Как будем? – спросил меня Костя.

«Как, как! – досажую про себя. – А ну как маньяк опять объявился, и за этой, первой, потянется цепочка кровавая таких же! Так чем раньше милиции об этом известно станет, тем лучше. А то сожгут ведь!»

– Поеду я, Костя! – отвечаю ему. – Нельзя тут не ехать.

Он кивнул, как будто и не ожидал иного, а Аякс влез со своей заботой:

– Не то перехлещутся ведь!

Константин глянул так, что заботника будто в стену вжало.

Не откладывая, я пошла в ванную привести себя в порядок, а когда, совсем одетая, вышла оттуда, на кухне нашелся один Аякс, скромно сидевший на своем месте.

– Танюх, что за бык с тобой сегодня? – спросил сиплым шепотом. – Строгий! Из ментов, что ли?

– Нет, – отвечаю, – но это страшный человек, Венчик!

– Я по-онял! – протянул он, прищурившись.

Константин сидел в кресле перед телевизором и ждал меня.

– Я с тобой! – заявил решительно. – И не возражай! Там целая банда ублюдков! – махнул рукой в сторону кухни.

Эх, Костя, разве это банда!

Вид телевизора навел меня на мысль, и я взялась за телефон. Один из моих принципов предписывает стараться делать людям добро, особенно если это не требует больших затрат времени и энергии.

Есть у меня знакомая, Анохина Алла, журналистка местного телевидения, временами донимающая просьбами о необычных материалах или об участии в передачах на криминальные темы. Труп девушки на городской свалке, смотря по тому, как повернется дело, может в недалеком будущем принести ей дополнительный кусок хлеба. Разумеется, после окончания следствия.

Алла встретила известие с энтузиазмом и пообещала не лезть туда сломя голову, чтобы, прибыв раньше нас, не оказаться с тамошней братией один на один. Какие бы эти Кваскины и Фадеичи мирные ни были, а поступать вопреки технике безопасности она не станет.

Грузились мы торжественно, почти с пышностью. Перед Аяксом открыли дверь на почетное заднее сиденье, и он устроился там с комфортом, подвернув кверху полы грязного, колоколообразного пальтеца. Тронутый таким необычным для его звания вниманием, он приосанился и, вытянув тощую, заросшую седыми волосами шею, гордо озирался по сторонам. Константин

уселся рядом со мной, когда я уже запускала двигатель, и так глянул через плечо назад, что голова Аякса в момент исчезла из зеркальца заднего вида.

Мы выехали со двора под пристальными взглядами домовых сударушек. А на ближайшем перекрестке я со всей отчетливостью поняла, что мне не хочется ехать на свалку. По крайней мере сегодня. И Константин поддерживал меня взглядом. Интуиция, верная моя советчица, предупреждала о неприятностях. Но смерть неизвестной девушки каким-то краем уже как бы касалась моей совести.

Черт бы побрал тебя, Вениамин, вместе с твоей теперешней компанией!

У съезда с автострады на дорогу, ведущую к городской свалке, нас поджидала машина Анохиной. Неугомонная Алла успела раньше нас, хоть мы и не мешкали.

Признаться, я слабо представляла себе обитателей свалки. Бомжи, бродяги, жалкие существа, бывшие люди, влачащие алкогольно-растительное существование, вот, пожалуй, все, что я о них думала. Действительность оказалась живописнее.

Мы не успели проехать и двух километров, как округа заволочлась серой дымкой. Зловоние горящих отбросов явственно ощутилось в салоне даже при наглухо закрытых окнах.

– Веня, здесь всегда так смердит?

Аякс, мирно дремавший сзади в тепле и уюте, мгновенно очнулся и ответил вполне бодрым голосом:

– Ветерок сегодня в эту сторону, вот и наносит. Это еще ничего!

– Ничего! – эхом отозвался Костя, так и не поборовший свою угрюмость.

Следуя указаниям Аякса, мы съехали с асфальта и по обледенелой грунтовке добрались до курящихся дымом темно-серых мусорных барханов. Свернули еще раз и краем этой адовой пустыни направились к лесопосадке, видневшейся невдалеке, за небольшим, но оказавшимся совершенно непроходимым для автомашин овражком. Какие-то люди копошились на той его стороне.

– Ваши? – спросил Константин.

– Нет! – радостно ответил Аякс. – Они, как и я, из города, поденщики, на промысел прибыли.

Он подался вперед, приблизив голову к отодвинувшемуся от него Константину, всмотрелся, прищурившись.

– Толку не знают. Новички! – заключил уверенно. – Дряни разной набрали и рады-раदेशеньки!

– Дряни? – повернул к нему лицо Константин.

– Ты, мил человек, на меня не обижайся, – в голосе Аякса ясно прозвучало ожесточение. – Извини уж, не знаю твоего роду-племени, но только возьми в толк вот что: людишки здешние, конечно, по-своему Богом обиженные каждый, но ведь не воруют и не грабят, а живут себе тихо с того, что под ногами найдут. И не вредят никому, кроме разве самим себе иногда. Не любят их, а им и не надо! Презирают, да, а им – по хрену, не трогали бы лишь!

Костя потешно хлопал глазами от нагловатой смелости, прорезавшейся у вернувшегося в привычную атмосферу бродяги.

– Не обижайся только, – не унимался Аякс, – ты на своих посмотри, на дела, на отношения их. Что, хороши людишки? Да не лучше этих! Рожи, правда, шире и одеты лучше. Тань, мне убежать? – закончил он вдруг неожиданным вопросом свою проповедь и взялся за ручку дверцы.

– Стой! – Я почти смеялась. – Нам без тебя здесь никак!

– Да? – удивился он. – Ах да! – опомнился. – Тогда пошли!

Анохина, глядя на нас, выбралась из машины, робея и поэтому демонстрируя всем строгий, деловой прищур.

– Куда нам? – осведомилась, оглядываясь по сторонам и стараясь не морщиться от вони.

– Туда, милая! – крикнул ей Аякс, махнув рукой в сторону оврага.

И мы пошли за ним, бросив машины на произвол судьбы.

Фанерный сарай стоял неподалеку от лесочка, слава богу, с наветренной стороны, и смрад поэтому здесь ощущался не так резко. Перед ним, возле очага, сооруженного на малом обломке бетонной плиты, хлопотала женщина в овчинном полушубке, резиновых сапогах и зеленой береточке, кокетливо сбитой на сторону.

– Здравствуй, Вика, ненаглядная моя, вот я и прибыл! – издали еще радостно прокричал ей Аякс. – Ты мне рада? – спросил, когда подошли вплотную.

Только теперь она соизволила обратить к нам лицо, осерилась радостно беззубым ртом и разразилась приветственной, изощренной матершиной.

– Во дает! – удивился Аякс, мотнул головой, хохотнул и нырнул в сарайчик.

К нам Виктория интереса не испытывала, занялась своими делами возле большой, черной от копоти кастрюли.

Анохина со словами: «И чего люди за экзотикой в Африку ездят?» – сняла ее на видео. Вика, повернувшись спиной, тихо послала ее подальше сквозь отсутствующие зубы.

– Татьяна, иди сюда! – появившийся в поле зрения Аякс махнул мне рукой.

Сарайчик оказался всего лишь навесом, защищавшим от непогоды вход в землянку, загороженный грубо сколоченной дверью.

– Пойдем! – пригласил Аякс, открывая дверь. – Там она. От собак убрали.

Поскольку в нору я лезть не торопилась, а стояла в сомнении, он счел необходимым пояснить:

– Собак здесь много!

В нору я не полезла, а мертвое тело, плотно завернутое в старую офицерскую шинель, вытащили Аякс с Костей вдвоем. Положили неподалеку от очага.

– Что, брезгуете? – Вениамин презрительно, снизу вверх посмотрел на нас и решительно взялся за пуговицы.

Алла тихо ахнула за моим плечом, когда он откинул полы шинели в стороны, и не сразу вспомнила про свою видеокамеру.

Милицию я вызвала по сотовому Константина, не обращая внимания на мнения и советы окружающих, количество которых возросло, пока я беседовала с дежурным по горотделу. Похоже, все население землянки оказалось налицо. Для милиции обилие свидетелей кстати. Кстати, о милиции!

Видно, сильно подействовал на меня вид обезображенного тела, как Венька назвал ее, девчонки? До того, что не сразу вспомнила об Анохиной и ее видеокамере. А вспомнив, за руку оттащила Аллу и послала к черту в сторону машины, пожелав ей успешного исчезновения отсюда до приезда оперативной группы. Алле еще не доводилось видеть меня в экстремальных ситуациях, поэтому мой тон и вид произвели на нее впечатление достаточно сильное – взяв с меня обещание позвонить при первой возможности, она спешно ретировалась.

До приезда милиции мы с Константином топтались особнячком, в стороне, наблюдая за бомжами и стараясь не встречаться глазами друг с другом. По-дурацки неудобно было за вчерашний день, так здорово закончившийся для нас и так страшно для этой бедняжки, лежащей теперь перед нами на старой шинели. Обменялись всего лишь двумя-тремя словами.

– Ты ни о чем их поспрашивать не хочешь? – Константин показал на оборванцев, струдившихся вокруг закопченной кастрюли, спинами в основном к мертвой, которую даже не потрудились прикрыть.

– Не мое это дело, Костя, – ответила нехотя. – Я лицо частное и убийство расследовать не имею права. – И, помолчав, добавила: – И желания не имею тоже.

Милиция прибыла на удивление быстро. Алла наверняка повстречалась с ними на дороге. Вовремя я ее отсюда спровадила.

Пять человек, двое из них в форме и при оружии, перебрались через овраг и направились к нам. Папки с документами, чемодан и носилки. Целая бригада. Бомжи заметили их раньше нас. Поднялись, сгрудились, негромко, тревожно загомонили. Вика, нахлобучив беретку обеими руками на самые уши, решительно двинулась прочь, в сторону лесочка. Аякс по-крабьему, боком перебрался к нам с Костей, спрятался за нашими спинами.

Милицейские подошли к бомжам и после короткого нелюбезного разговора по одному перебрались к телу, закопошились вокруг него. Бомжи, не медля, двинулись было вразброд, но один из одетых в форму вскинулся и заорал, не жалея связок:

– Стоять! Всем назад, с-сволочи!

Бомжи нехотя вернулись.

– Ко мне по одному! – по-армейски четко скомандовал парень в форме, отходя в сторону от своих.

– Молодой, не наигрался еще! – осторожно подал голос Аякс.

– Закрой рот! – посоветовала я ему.

Работавшие у тела будто услышали нас, видно, первое впечатление прошло, стали замечать окружающее и действовать профессионально.

– Подойдите сюда! – позвал нас мужчина в штатском. Тоже приказал, как бомжам, но помягче. Мы повиновались.

Один из них, врач, должно быть, в резиновых перчатках, тормозил тело. Раздвигал окоченевшие пальцы, приподнимал конечности, поворачивал его на бок, чтобы взглянуть на спину, и, похлопывая по впалому животу рядом с огромным, сшитым через края разрезом, черным от крови, диктовал мудреными словами результаты осмотра другому, записывавшему за ним.

Костю замутило от такого зрелища – простонал коротко и тихо.

– Звонили вы? – спросил позвавший.

– Мы.

– Имя?

Я молча смотрела на него и отвечать не собиралась. Он же не отводил глаз от занятых делом коллег.

– Имя? – повернулся наконец к нам. Глаза бешеные и удивленные одновременно.

– С кем имею честь? – отчеканила ему в ответ.

– Следователь Горчаков! – сообщил, раздув ноздри.

– Иванова. Татьяна Александровна.

– Как вы относитесь к неприятностям, Татьяна Александровна?

Сзади, мне в затылок, засопел Константин. Тоже бесится.

– Стараюсь избегать, если это возможно, – отвечаю поспешно, пока Костя не брякнул что-нибудь неуместное.

– Это радует! – Горчаков удовлетворенно кивнул.

– Хамства, как неприятности, избежать трудно.

Он поморщился, как от кислого.

– Все мы сейчас на взводе, – поднял к нам голову врач, – не усложняйте друг другу существования!

Для тела у них не нашлось даже полиэтиленового мешка. Завернули все в ту же шинель, бросили на носилки, стянули ремнями.

– Багапов! – крикнул врач менту, опрашивающему бомжей. – Давай сюда двух, пусть это тело в машину оттащат!

– Не отвлекайтесь! – попросил Горчаков уже по-человечески. – Еще раз: имена, фамилии, адреса...

Пока он записывал, я наблюдала, как носилки на двух здешних аборигенах поплыли к оврагу, сопровождаемые врачом.

– Молодого с собой заберем, – сообщил подошедший Багапов, – он ее нашел. Да и второго можно до кучи, чтобы было кому там дотащить до места.

– Бери! – разрешил Горчаков. – Хоть всех!

Багапов заспешил вслед за носилками, конвоируемыми его коллегой, а я с интересом наблюдала, как Аякс, появившийся откуда ни возьмись, с опаской оглядываясь на нас, торопится к оставшимся оборванцам.

Стало как-то легче после того, как унесли тело.

Горчаков предложил нас подвезти, но мы отказались и двинулись вместе с ним к своей машине.

– У меня к вам один вопрос, – нарушил он установившееся было молчание, – каким образом и для чего вы оказались сегодня здесь?

И тут я совершила такую ошибку, что, если бы имела привычку грызть себя за прошлые промахи, назавтра сглодала бы Татьяну вчерашнюю до костей! Видя, что Аякс избежал беседы с Багаповым, я решила исключить его участие в этой истории, захотела облегчить жизнь «веселому бомжухе» и усложнила жизнь себе.

Я протянула Горчакову свое удостоверение частного детектива, и он узнал меня, на что я и надеялась.

– Слышал-слышал, как же! – глянул с интересом, возвращая корочки.

– Бомжи тоже от кого-то слышали, потому что сегодня утром позвонили ко мне и спросили совета, как поступить с мертвецом, найденным ими здесь. Вам сообщать никто из них не хотел, опасались неприятностей. Проще всего для них было закопать тело в мусор и забыть о нем. Но тут их мнения разделились.

Горчаков слушал не перебивая, покачивал головой.

– Мне подумалось о новом маньяке, и я решила познакомиться с обстоятельствами на месте. Константин согласился сопровождать меня, сами понимаете, оружие мне не положено по закону. А с бомжами я, можно сказать, не разговаривала, не было нужды. Увидела тело и позвонила вам.

Горчаков в сомнении покачал головой.

– А из города нельзя было позвонить, после их звонка, сразу?

– Можно, – согласилась я, – но, не согласись я приехать, вы вряд ли бы нашли ее здесь. Бродяги похоронили бы ее по-своему. А как могло прозвучать мое сообщение, вы представляете? «Мне позвонили и сказали, что там-то обнаружено мертвое тело, проверьте, пожалуйста!» Проверили бы?

– Скорее всего.

Неуверенность, прозвучавшая в голосе следователя, меня порадовала. Он проводил нас с Константином до машины и не скрыл, что интересуется номерами. Глядя на него, записывающего их карандашом на сигаретной пачке, я поняла, что дело на этом не кончится. Поэтому повестка на завтра, которую он выписал прямо на капоте, меня не удивила.

Глава 3

Уехали горчаковцы. «ГАЗель» и «УАЗ», ведомые опытными руками, быстро скрылись из виду, затянулись вонючей дымкой. Мы с Константином, прислонившись задом к грязному багажнику, проследили за ними. Переглянулись – без них воздух еще чище стал и атмосфера успокоилась – ветерок стих. Сквозь зловоние, к которому мы уже порядком привыкли, чудом пробился запах влажной, оттаявшей земли. Весна. И день солнечный. Я пошарила по карманам в поисках сигарет, не нашла и взяла из пачки, протянутой Константином. Костя курит только в исключительных случаях и никогда – за компанию. Покурили мы, помолчали, забрались в машину и двинули не торопясь прочь.

Не знаю, как его, меня молчание тяготило, а говорить не хотелось. Странное состояние. Муторное. Обсуждать происшедшее – все равно что стараться запить устойчивую изжогу раствором чайной соды ради полуминутного облегчения. А нейтральных тем для нас сейчас не существовало.

Константин тоже, видно, этой изжогой мучился, а может, и сильнее меня, потому что первым не выдержал.

– Тебе приходилось встречаться с подобным? – нарушил он тягостное молчание.

К криминалистике он никогда отношения не имел, поэтому его любопытство мне было вполне понятным.

– С подобным... – Я кивнула. – Трупы мне встречались.

И едва не брякнула, что даже приходилось их самой создавать и способствовать их созданию. Ущипнула себя мысленно за самое больное место и договорила:

– Но не такие!

И, опережая его неизбежный вопрос, спросила сама:

– Может, она себе харакири сделала?

Константин воспринял шутку правильно, но без энтузиазма. Ответил нехотя:

– Действительно похоже, судя по описаниям. При харакири рядом стоит лучший друг и, когда дело сделано, из милосердия сносит мечом голову. У нее голова на месте. Живот только вспорот.

Вот именно – вспорот! Не вскрыт, не взрезан, не проткнут, вспорот! Точное слово у него получилось! Я ему об этом сказала.

– Ну и что? – пожал он плечами.

Простительно ему, профану, такое невнимание к деталям. Поясняя, я попутно занялась анализом.

– То, – сказала, – что по характеру раны и еще по кое-каким следам, которые можно обнаружить, осматривая тело, делаются выводы об обстоятельствах, предшествующих моменту умерщвления.

– По-русски скажи! – попросил он, поежившись, как от холода.

– Разрез ровный, – я размышляла, больше не обращая на него внимания, – и неглубокий. Сделан, скорее всего, коротким и очень острым предметом по голому телу. Одежда не мешала, не цеплялся нож за одежду и прошел плавно. У левого края раны – синяк, гематома. Сюда ножом ударили, ударили сильно и провели вправо, и выдернули оружие. Значит, действовали спокойно, без спешки и аффекта. Спокойно, по голому животу ножом, а, Костя?

Он хотел что-то сказать, но я не дала, продолжила:

– Тело, конечно, я не осмотрела, но то, что было перед глазами, других следов насилия на себе не имело. Покорна была девчоночка, не сопротивлялась. И разрез ровный. Даже не дернулась, когда ее ножом ударили. Вот тебе, Константин, и обстоятельства. И это пока одни факты, без выводов и предположений. Все ли понятно?

– Нет! – качает головой Константин. – Не все! По-твоему, выходит, покорность у нее была овечья какая-то, ладно! Это бывает. Но вот не дернулась, когда ножом ударили, это, Танечка, неестественно. В таких случаях мышцы сокращаются сами по себе. Может, к этому моменту она уже мертвой была?

– Может, и так, – отвечаю. – Но еще теплой. Кровь из раны шла. На края внимание не обратил? И с живота кровь стерта небрежно – следы остались.

– А зачем сшивать понадобилось?

Я смотрю на него, как на дитя неразумное.

– Чтобы при перевозке не вывалились внутренности.

– То есть готовили тело к перевозке?

– Верно!

Костя опять полез за сигаретами, посмотрел с сомнением на пачку и сунул ее обратно в карман. Нервничает, хотя по нему не скажешь.

– Заинтересовался?

Я улыбнулась, пожалуй, впервые с момента появления Аякса в моей квартире.

– Похоже.

Он достал-таки сигарету. Предложил и мне, пришлось отказать, сморщиться.

– А ты? – спросил, рассчитывая на солидарность.

– Нет! – ответила очень серьезно. – Частный детектив должен зарабатывать себе на кусок хлеба насущного с маслом и, желательно, с икрой, а здесь какая корысть? Только обострение отношений с органами следствия.

И, видя, как потемнел лицом мой сэнсэй, крикнула, боднув его головой в плечо:

– Не положено по закону мне... – машина вильнула в сторону, к обочине, – убийства расследовать!

– Неистовая ты кошка! – пробурчал сэнсэй под нос, но я успела заметить улыбку, на мгновение тронувшую уголки его губ.

– Я тебе, Костенька, правду говорю всегда, какой бы она ни была. Себе вру, бывает, а тебе – нет. Вот так ты на меня действуешь!

– Ты тоже на меня действуешь! – ошастливил он меня признанием, и я ответила, что, мол, это – слава богу!

Свободно было на шоссе этим весенним днем. Лишь изредка приходилось сторониться встречных машин, а обгоняли нас еще реже. Отчасти потому, что скорость у нас была приличная.

Почти на самом въезде в город, где дорога была прямая и ровная, как ученическая линейка, нас дождалась Алла Анохина. Я затормозила сразу, как только узнала ее, но разгорячившаяся машина, не сразу почувствовав удила, проскочила вперед, и потребовалось какое-то время, чтобы убедить ее остановиться. А когда я управилась, экипаж Анохиной был уже сзади нас, вплотную.

Меня порой раздражает страсть газетчиков по любому поводу пускать в дело свои фото – и видеокамеры. Алла с ходу, опустив стекло, нацелилась на меня объективом.

– Вы недооцениваете мое профессиональное любопытство! – ответила она на мой вопрос о причинах, заставивших ее так задержаться. – Должна же была я узнать, чем кончилось дело!

– Да ничем особенным! – ответила я. – Приехали, на бродяг покричали, меня поспрашивали, забрали тело и подались ко своим дворам.

– А что дальше будет?

Алла, покопавшись в карманах, достала диктофон и защелкала его кнопками.

– Дальше будет расследование. Следователь произвел впечатление умного человека, но вовсе не обязательно, что дело поручат ему.

Добавить к сказанному мне было решительно нечего, и это ее огорчило, но не разочаровало. Узнав о повестке, выписанной мне Горчаковым на завтра, она добилась от меня обещания непременно позвонить и рассказать подробности, как она выразилась, обрушившихся на меня неприятностей.

– Не неприятности это, – возразила я, слегка потешаясь над ее стремлением видеть все в превосходной степени. – Так, напряг легкий, но мне, кстати, совершенно не нужный.

Я предупредила ее о действительных неприятностях, способных попортить ей нервы, если опубликованный ею материал не устроит следствие. Она отнеслась к этому с равнодушным пониманием и пообещала нигде не упоминать мое имя.

– Не спешите с публикацией! – посоветовала я ей. – Как знать, может, всплывут новые подробности.

Она согласилась подождать до моего завтрашнего звонка. И на том спасибо!

В город мы влетели с пологой горочки, проигнорировав ограничение скорости у КП ГАИ.

– Положи, где взяла! – потребовал Константин в ответ на мой вопрос – подвезти ли его куда.

И то! Несмотря на утро, полное приключений, в спортзал он поспевал к началу первой тренировки.

Продираясь через паутину перекрестков и оставляя на каждом часть отрицательных эмоций, мы подъехали к месту почти спокойными, почти веселыми, почти такими же, как встретились сегодняшним утром. У Кости даже оставалось немного свободного времени, и он пригласил меня выпить кофе в забегаловке на углу. Там его хорошо знали и уважали за способность мирного разрешения споров подвыпившей клиентуры всех мастей и фасонов и в знак уважения заваривали для него натуральный молотый кофе, крепкий и удивительно ароматный.

Потягивая огненную жидкость и дыша ее благодным паром, я жалела только об одном, что чашечка, умещавшаяся в ладони, меньше – и настолько! – моей кухонной полулитровой кружки.

Впрочем, мы повторили процедуру.

– Когда ты увидишь еще раз того проходимца, что выманил нас сегодня из дома, – Костя наклонился ко мне через столик и говорил почти на ухо, – передай ему мое обещание при встрече спустить его с ближайшей лестницы!

– Он отнесется к этому без возражений.

Я от души рассмеялась, представив Аякса в единоборстве с сэнсэем.

– И пусть, если хочет, приводит с собой всю свою сатанинскую банду, всем ребра посчитаю!

Он немного красовался передо мной, будто в шутку, распуская веером хвост.

Эх, Костя, да разве это банда!

Он проводил меня до машины и помахал от стеклянных дверей спорткомплекса. А я пожалела его, невольника учеников, не имеющего возможности послать к черту любую обязательку.

У меня на сегодня обязательки не было. Была легкая усталость от естественного для прошедшей ночи недосыпа и обилия сегодняшних впечатлений. Послав к черту вообще все, я доставила себя домой с твердым намерением не покидать родных стен до вечера ни под каким предлогом.

Совершив омовение, наевшись и поскучав какое-то время, я неожиданно уснула. Сон выдался тяжелым, полным путаных и тревожных сновидений, которые, проснувшись, с удовольствием забываешь, а проснулась я от потустороннего голоса, пробубнившего мне в ухо что-то насчет «сатанинской банды». Вот так отливаются в сны полученные нами наяву впечатления.

Сны я быстро забыла, а слова «сатанинская банда» все крутились и крутились в голове... В былые времена я потратила довольно много времени на ознакомление с оккультными науками. Увлекалась этим всерьез и до тех пор, пока не вышла из возраста, в котором занимаются выяснением смысла жизни, раскапывая для достижения цели самые разнообразные пласты человеческих знаний – от Гермеса Тримегиста до Карла Маркса. В результате из всей мешанины я вынесла стойкое убеждение в том, что не все так просто в этом мире, как хотелось бы. Практические навыки по психогигиене в состоянии измененного сознания и безграничное доверие к собственной интуиции, на развитие которой я затратила много времени и сил, не раз помогали мне.

Голос, прозвучавший на грани сна, несомненно, к интуиции имел отношение самое непосредственное.

Поломав голову и не придя ни к какому выводу насчет «сатанинской банды», я углубилась в книги, надеясь набрести в них если не на разгадку этого ребуса, то по крайней мере на совет, где искать ее.

Интуиция просто так голос не подает!

«Тотальное отрицание, как и профанированное поклонение, – порождение невежества. Это две крайности одного единства – невежественного заблуждения», – сообщил мне Теократ Александрийский.

Хорошо, но не из моей оперы!

«Не может не иметь рационального зерна то, над чем века трудились лучшие умы человечества. Познание сущности вещей и сущности взаимодействий, взаимосвязей и взаимозависимостей – благородная задача, стоящая перед умом человека», – это пифагорейцы.

Мимо, мимо!

«Для того чтобы толкнуть качели бытия из возможности в необходимость и не нарушить при этом мирового равновесия, разрушение которого чревато последствиями непредсказуемыми, принеси жертву огня. А если велика она для тебя, то – жертву крови, посвятив ее в посланницы к Началу всех начал!»

Правильно! Где же еще искать намек насчет «сатанинской банды», как не в «Красном гримуаре»? Тьфу, не к ночи он будь помянут!

Полистав еще немного «Евангелие Сатаны» – даже от ксерокопии серой пованивало, – я затолкала его как можно глубже в книжные недра, где и было его место, и отправилась на кухню – растворимый кофе пить и пялиться в сумерки за окном над батареей центрального отопления. К кофе я налила хорошего коньячку, рассудив, что открытия не каждый день делаются и что их положено отмечать чем-нибудь необыкновенным.

Употребив приготовленное мелкими дозами, заготовив сигарету, я принесла на кухню телевизор и запустила его на местный канал чисто для светового оформления моего праздника. Окутавшись ментоловым дымом и машинально наблюдая сквозь его завесу за теньями на маленьком экране, я обдумывала всякие сложные вопросы, сводящиеся к главному – зачем мне все это надо? И ответа, кроме глупого: «для утехи», не находилось никакого.

Остохреневшую рекламу сменила заставка «Криминального канала», и я налила еще коньячку и размешала в чашке новую кофейную дозу.

Жертву крови, значит, для воплощения возможности в необходимость?

На экране появилась пожилая, но молодцеватая физиономия. Скорбный и торжественный голос за кадром сообщил о необъяснимой пропаже этого вот майора милиции, занятого в последнее время борьбой с подпольными производителями спиртного.

Я отхлебнула во здравие майора кофейку и пожелала ему поскорее отыскаться живым и невредимым.

Жертву, значит, посвятив ее в посланницы к Началу всех начал? Черная это магия. Жертву, надо же!

Не сразу до меня дошло, что я теперь вижу. А когда дошло, пришлось челюсть рукой придержать, чтобы не отпала, не травмировала бы грудь. Бывают, конечно, совпадения, но такие! Сижу и довольно тупо размышляю о жертве церкви сатаны, и на экране появляется подправленное, подкрашенное, чтобы не испугать зрителя истинной правдой, но вполне узнаваемое лицо нашей девчонки со свалки. Дикторы, меняясь, просят узнать человека, опознать личность, сообщают особые приметы – шрамы и родинки.

Оперативно работает Горчаков, молодец!

То-то меня сразу разрез на ее животе привлек! Читала ведь, знала и без «гримуара» об этом обряде жертвоприношения в сатанистской церкви, а сразу не догадалась! А может, это еще что?.. Ох, неужто в нашем провинциальном Тарасове активные сатанисты завелись? Обычно мерзостью этой в столицах страдают.

Коньяк я выпила за упокой души убиенной.

* * *

Горчаков начал разговор с неожиданного и не понятого сначала мною вопроса:

– Вы собираетесь настаивать на своей версии причин, побудивших вас присутствовать на свалке к моменту нашего приезда?

Пока я раздумывала, что здесь к чему и откуда что взялось, он, выдержав подходящую к случаю паузу, огорошил меня новым высказыванием.

– Не со-ве-тую! – почти продекламировал довольно дружелюбно, но с большим сожалением о моей неразумности.

– Настаивать не советуете? – осторожно спросила я.

– Не советую недооценивать важности вашего ответа, в первую очередь для вас самих. Будь на его месте Константин, я бы, ей-богу, попросила разговаривать по-русски.

– Я и не недооцениваю, – отвечаю очень скромно.

Не нравится мне начало нашей беседы. Похоже оно не на снятие свидетельских показаний, а на допрос подозреваемого.

– Хорошо! – Он сцепил пальцы рук, положил на них подбородок, уперев локти в полированную столешницу. – Давайте с самого начала и как можно подробнее.

Кабинет следователя – жалкий, не более шести квадратов закуточек, с выкрашенными в уровень человеческого роста темно-зеленой краской стенами и узким окном, забранном толстой решеткой. Стол, два стула, сейф. На стене, под потолком, вызывающе белый прямоугольник с гвоздем в верхней части – след висевшего здесь многие годы портрета. Теперь правосудие торжествует без икон и вождей.

Все это я осмотрела не торопясь, создавая видимость своего глубокомыслия. Горчаков терпеливо и неподвижно ждал начала моего выступления.

– Вам случалось видеть, как человека бьют по голове табуреткой? – Я обратила к нему умный, слегка усталый взгляд. – Надо сказать, вы мастерски добиваетесь своей цели – недоверие к моему рассказу ошеломило меня почти как удар по голове.

Его переплетенные пальцы побелели от напряжения. Вспыльчив он, однако, сверх всякой меры. Сейчас я тебя еще подогрею, чтобы спесь твою сбить!

– Я не буду повторять своего рассказа! – смотрю исподлобья в его глаза. – Будьте уверены – на расхождениях и противоречиях меня не поймать, потому что я правдиво и полно изложила вам все при первой встрече и способна повторить все слово в слово. Могу, но не буду.

– Почему? – спрашивает он, разбив слово на слоги.

– Потому что таким образом вы хотите заставить меня защищаться. Пусть защищается виновный, а мне это ни к чему.

Я не знаю, как бы он действовал, окажись на моем месте мужчина. Сейчас же он вскочил, сжав побелевшие губы, и уставился на меня сверху вниз округлившимися глазами. Я спокойно выдержала его взгляд и продолжила так же невозмутимо:

– Не советую недооценивать важность способности держать себя в руках при беседе со свидетелем, которому хорошо известны его права и обязанности.

Уела я его. Отвел взгляд Горчаков, сел и спросил, не поднимая глаз:

– Как же, прикажете, получить с вас свидетельские показания? Ведь по закону вы не имеете права не отвечать на вопросы.

– Так я уже ответила на них там, на свалке, так что все по закону! Запротоколируйте мои ответы, и я их подпишу без проблем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.